ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4.051

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРИЗАЦИЯ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

© 2012 г. *В. А. Бородай*

Ростовский технологический институт сервиса и туризма

Автором показано, что к окончанию средневековья и эпохи Возрождения торговцы составляют значительный социальный слой. Признаки институционализации торговли заключаются в расширении и закреплении определенных торговых стратегий за определенными социальными слоями. Происходит изменение ценностного отношения к торговле — подозрительность и негативное отношение к торговым людям сменяется культурными образцами «достойных людей».

Ключевые слова: *торговля; легитимация; социальная структура; институционализация; средние века.*

Author shows that at the end of the Middle Age and Renaissance traders formed a significant social level. The signs of the trade institutionalization include the expansion and determination of certain trade strategies for the certain social levels. We can see the change of worth attitude to the trade: suspicion and negative attitude to the traders has been changing to the cultural models of worthy people.

Key words: *trade; legitimating; social structure; institutionalization; Middle Ages.*

Падение Римской империи, появление новых государств в Европе, в слабой степени повлияли на положение торговли в социально-экономическом пространстве. Пространство по-прежнему, а может и в большей степени, было разделено. Французский историк Ф. Бродель отмечал, что наиболее существенной чертой всей доиндустриальной экономики ему представляется «сосуществование жесткого и неподвижного, тяжеловесного механизма все еще примитивной экономики с локальным и ограниченным, но в то же время живым и мощным ростом современных экономических структур» [2, с. 11]. На уровне повседневной жизни этот разрыв отражается в формировании двух разных миров, разных жизненных укладов, разных стилей жизни: с одной стороны, мир повседневной жизни крестьян, пребывающих в почти полной автаркии, без связи с внешним миром, на полном хозяйственном самообеспечении, с другой стороны, мир рыночной экономики и жизненный уклад, построенный на предприимчивости, торговых связях и обменах.

Соответственно, изменился и социокультурный тип торговца. Авантюризм, воинственность, нравственная лабильность вели к тому, что купцов осуждали не только персонально, но и считали греховной профессию торговцев в целом [6, с. 99–100]. Фома Аквинский считал, что в торговле есть «что-то низменное», что сама коммерческая деятельность располагает человека к нравственным нарушениям. Поскольку торговец покупает по одной цене, а продает по другой, возникает искушение нажиться при обмене. Про-

блема заключается в определении «справедливой цены», которая должна быть равной для покупателя и продавца по «величине стоимости», но при том возмещать «затраты» торговца. Претензии купца на прибыль обоснованы тем, что ему необходимо содержать семью, ему нужны средства для благотворительных целей и общественной пользы, он должен компенсировать коммерческие риски [1, вопрос 77].

Негативное отношение общества к занятиям торговлей отразилось в том, что купечеству не нашлось места в нормативной модели социального устройства. Адальберон Ланский (начало XI в.) писал о двух типах общественной структуры. В соответствии с «человеческим законом» общество делится на «свободных» и «несвободных», в соответствии с Божественным предначертанием — на три ордена: тех, кто молится, тех, кто воюет, тех, кто работает. Троичность структуры устанавливалась Божественной Троицей. Единство общества как «дома Божьего» по отношению к Творцу требовало, чтобы все состояния в соответствии друг с другом образовывали гармоничное целое [5, с. 29].

В то время даже сами торговцы относились к своим занятиям негативно, не считали их достойными, надеялись, что они будут временным делом, что, накопив какое-то количество средств, смогут выбрать более достойное занятие, а возможно смогут получить (купить) дворянство [8, гл. IV, VII]. Ф. Бродель обнаружил в исследованиях английского историка Дж. Гекстера, бельгийского историка А. Пиренна, немецкого историка Г. Келленбенца факты, свидетельствующие, что в средневековой Европе купеческие семейства существовали непродолжительное время, как правило, не более двух-трех поколений, после чего кто-либо из семейства добивался статуса земельного собственника и дворянина. Семейство перемещалось в благородное сословие [3, с. 493—494].

Средневековое общество осуждало торговцев, но еще более негативно относилось к торговле деньгами — ростовщичеству. Католические святые Бернардин Сиенский, Антонин Флорентийский и другие осуждали ростовщиков. Фома Аквинский дает экономическое обоснование отношению церкви к ростовщичеству. Деньги представляют собой общественную функцию и поэтому не могут быть ни товаром, ни вещью. Торговля деньгами не может быть ничем иным, кроме как мошенничеством, поскольку ростовщики продают то, чего нет.

Аргументация Бертольда Регенсбургского адресована людям разного образовательного уровня, пришедшим слушать проповедь. Речь Бертольда эмоциональна, образна и насыщена грозными предостережениями. Он называет ростовщиков алчными, заключившими мир с дьяволом и уподобившимися ему в своей жизни, грешащими, подобно дьяволу, без устали. Желая быть понятым всеми людьми, а не только учеными мужами, Бертольд указывает не на отвлеченные понятия, а на нарушение воли Бога и богоустановленного порядка: день должен чередоваться с ночью, труд должен сменяться отдыхом, а прибыль должна проистекать из работы. «Другие грешники дают себе отдых: убийцы, сейчас вы не убиваете. Вы, нарушители брака, сейчас его не оскверняете; и вы, колдуны и ведьмы, сейчас не колдуете; обжоры, лентяи, игроки, танцоры, сейчас вы не заняты непотребством. Но вы, алчные, ростовщики и перекупщики, никогда не даете мира Богу, и сейчас, придя сюда, ты уже заработал четыре пфеннига ростовщичеством, и с тех пор, как я начал свою речь, ты хотя бы на грош обогатился» [5, с. 224].

Кроме осуждения церковь прибегала к действенным мерам влияния на ростовщиков. Второй Латеранский собор (1139 г.) не только осудил ростовщичество, но и постановил, что нераскаявшийся ростовщик не будет допускаться к причастию и не может быть погребен в освященной земле. Бертольд призывал любого, получившего состояние неправедно, отдать его тем, кого обидел. Без возмещения ростовщиком всего ущерба людям на этом свете его душа погибнет на том. Не помогут даже дела святости: «Можешь взять крест у папы, переплыть море, сражаться с язычниками, отвоевать святой Гроб и погибнуть за божье дело и лечь в святой Гроб, и все же твоя душа погибла при всей твоей святости, и было бы тебе легче, если б волки загрызли тебя у материнской груди или земля поглотила бы тебя, как Дафана и Авирона» [5, с. 223–224].

Столь горячее осуждение ростовщичества Бертольдом Регенсбургским, и особенно его требование немедленно отдать обиженным всю прибыль до последней монетки, ничего не оставляя детям, чтобы не ввергнуть также их в гиену огненную, свидетельство христианского ригоризма предыдущей эпохи — раннего Средневековья. Начиная с XIII века, ситуация в мире меняется — изменяется роль торговли и отношение к ней.

Наличие запретов на иностранную и региональную конкуренцию препятствовало вывозу товаров в другие регионы, но закрытие доступа иногородним создавало возможности развития своему ремеслу. Только предметы роскоши, составлявшие специализацию отдельных регионов, допускались на местный рынок. Таким образом, прибегая к суровым ограничениям и жестоким мерам, город добивался развития городской экономики, развития городской торговли. Формируется довольно пестрая, отличная от сельского средневековья социальная структура города. Применяемая ранее для описания общественного порядка троичная схема социальных «орденов» уже очевидно не годилась для описания жизни, поскольку значительно отличалась от реальности. Бертольд Регенсбургский в проповеди «О десяти хорах ангельских...» дает новую модель описания социального мира, уподобляя ее божественной структуре ангельских хоров. Общество, как он считает, состоит из людей десяти родов и многих служб (dienste). Каждый из разрядов-«хоров» должен выполнять свои функции: высшие — защищать, охранять, низшие — служить высшим и обществу. Главное ограничение для торговцев — торговать без обмана, иметь верные весы и гири. Как видим, схема социальной организации значительно расширяется за счет включения различных городских занятий. Появление торговцев в схеме — свидетельство их закрепления в социальной структуре и социальной легитимности по крайне мере двух родов торговой деятельности — местной торговли и торговли иностранной, на дальние расстояния. Различие мелких и крупных торговцев отразилось в обыденном языке многих народов. В Италии — negoziante и mercante a taglio, в Англии — tradesman и merchant, в Германии — Kramer и Kaufmann, Kaufherr [3, с. 385]. В реальной жизни обе категории имели различные доход, власть, престиж и, как правило, негативно относились друг к другу.

Дальнейшее развитие торговли происходило путем заключения межгородских и интермуниципальных соглашений об освобождении от уплаты пошлин. Города Италии к концу XV – началу XVI века открыли свои рынки для всех желающих торговать. Так, миланский статут 1502 г. разрешил торговать купцам всех городов, допускающих на свои рынки миланских торговцев. Венеция и Флоренция сняли все ограничения еще в XV в. Итальянские города, захватившие в те времена благодаря выгодному географическому положению монополию торговли со странами Леванта, были заинтересованы в снятии подобных ограничений. Венецианские, генуэзские купцы, привозившие восточные товары, ткани, пряности, были заинтересованы в том, чтобы купцы приезжали за товарами и оставляли все деньги в Венеции. Одно время даже существовал запрет на вывоз нерастраченных денег.

Торговые отношения между иностранцами порождали специфические социальные институты — некоторые в зачаточной форме, некоторые — во вполне развитой, модификации которых существуют и поныне. Например, поскольку иностранец не мог сам отвечать за свои действия в суде другого государства, он нуждался в «патроне», который мог сделать это за него. В средневековье соответствующей формой был особый патронаж: «Чужеземный купец имел право, и даже был обязан, стать под покровительство одного из граждан: у него он должен был сложить свои товары, патрон, со своей стороны, был обязан контролировать их сбыт в интересах своей общины» [4, с. 202].

Впоследствии парные интеракции переросли в многосторонние: с увеличением числа купцов они стали объединяться в гильдии, ганзейские союзы, особые купеческие колонии. Купеческие гильдии существовали либо для защиты интересов местных купцов против иностранцев, либо, напротив, для защиты интересов группы иноземных купцов на территории другого государства. Большое распространение получили гильдии «чужеземцев», носившие местный характер, например, гильдия немецких купцов в Лондоне. Интерлокальный характер носили ган-

зы (купеческие объединения). Политическая власть на Западе всегда принадлежала государству, ни в коем случае не делегировавшем ее гильдиям. Однако гильдии пользовались рядом привилегий, например, правом откупа сбора податей у государя [4, с. 217–219].

Принадлежность к гильдии была важнейшим критерием социальной стратификации: и поныне на Западе профессиональные признаки определяются не только наличием диплома врача, юриста или инженера, но и принадлежностью к определенной профессиональной ассоциации и следованием ее нормам социального поведения, а исключение из ассоциации фактически означает полную дисквалификацию.

В отличие от католической церкви, протестантизм симпатизировал торговым занятиям, но гораздо более решительно возражал против реальных торговых практик. Мартин Лютер, в ответ на жалобы купцов на трудную купеческую долю, на опасности торгового предприятия, связанные с грабежами на дорогах, возражал: «Но если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного и в том, что Бог делает так, что столь большое имущество, неправедно приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен» [9, с. 363].

Даже если католическая церковь смягчает свое отношение к проценту, то обыденное сознание общества, процветающего на почве торговли, тем более было готово принять выгодные финансовые практики. С XIII в. слово «рост» в деловой переписке начинает использоваться без пренебрежения. А с XIV в. в тексты завещаний перестают включать распоряжения об обязательном возмещении полученных процентов.

Итак, в средневековый период торговля прошла путь от локальных, частных, эпизодических отношений к систематической деятельности. К окончанию средневековья и эпохи Возрождения торговцы составляют значительный социальный слой. Повседневная жизнь людей все больше зависит от торговых обменов, поэтому люди активно включаются в торговые практики. Торговые отношения не были абстрактно-всеобщими, они носили печать личностного персонифицированного характера, а товары — знак социальных отношений. Выделяются два типа торговых практик, различающиеся агентами, стратегиями, социальным и экономическим смыслом — сфера повседневных рыночных обменов и крупная торговля, чаще всего, на дальние расстояния. Функции повседневных торговых взаимодействий — обеспечить население в условиях разделения труда основными предметами потребления, а мелкого и среднего производителя — сырьем. Функции крупного предпринимательства — обеспечение регионального и международного разделения труда. Признаки институционализации торговли заключаются в расширении и закреплении определенных торговых стратегий за определенными социальными слоями, формировании институциональной инфраструктуры торговли, финансового предпринимательства. Происходит изменение ценностного отношения к торговле — подозрительность и негативное отношение к торговым людям сменяется культурными образцами «достойных людей». Институциональные изменения захватывают все уровни институционального строительства в сфере торговли — правовые и административные нормы, систему социально-правового контроля и социокультурные нормы и правила.

Литература

1. *Аквинский Фома*. Сумма теологии. Ч.2. Вопрос 77. — Киев; М., 2002.
2. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993.
3. *Бродель Ф.* Игры обмена. — М. Прогресс, 1988.
4. *Вебер М.* История хозяйства. — М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
5. *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М., 1990.
6. *Гуревич А. Я.* Средневековый купец. // Одиссей. Человек в истории. — М., 1990.
7. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М., 1994.
8. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. — М., 1992.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1.

Поступила в редакцию *15 апреля 2012 г.*

Владимир Александрович Бородай — доктор социологических наук, профессор кафедры «Экономика» Ростовского технологического института сервиса и туризма (филиала) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса.

Vladimir Aleksandrovich Boroday — Ph.D., Doctor of Sociology, professor at «The Economics» department of South-Russian State University's of Economics and Services Rostov Technological Institute of Service and Tourism (branch).

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 215, каб. 205
215 Varfolomeyeva st., r. 215, 344000, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 232-45-87; e-mail: fef@rostinserv.ru